

TİL BİLİMİ HÁM ÁDEBİYATTANÍW

Til bilimi

СИМВОЛ КАК ОБРАЗНОЕ СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Г.Р.Абдалиева – кандидат филологических наук, доцент
Нукусский филиал ТУИТ имени Мухаммада аль-Хоразми

Таянч сўзлар: рамз, бадийи нутқ, образли восита, троплар, индивидуал услуб, тил, кўп маъноли образ.

Ключевые слова: символ, художественная речь, образное средство, тропы, индивидуальный стиль, язык, многозначный образ.

Key words: symbol, artistic speech, figurative means, trails, individual style, language, polysemantic image.

В исследованиях по художественной речи отмечается особое место, которое занимает символ среди других тропов. Символ (греч. *simbolon*)-знак, примета; представляет собой многозначный образ, в котором соотносятся разные планы изображаемого. По определению Новикова Л.А., это «объяснение отвлеченного содержания через конкретный пример путем намёка, иносказания» [4:54].

Символ как выразительное средство изображения использовался в русской литературе. Известен гоголевский образ Руси как мчащейся тройки. Михаил Лермонтов использует символ в стихотворении «Сосна». В начале 20-века символизм-туманная, мистическая философия, вошёл в русскую литературу. Александр Блок использует гоголевский образ России как птицы – тройки. Целый ряд символов выделяют исследователи языка Сергея Есенина.

Символ как изобразительное средство в каракалпакской художественной речи до настоящего времени не становился объектом внимания исследователей. Материалом нашего исследования является текст романа Т.Каипбергенова «Маман бий эпсанасы».

Для индивидуального стиля писателя Т.Каипбергенова характерно использование символа. В исследуемом тексте символов, возможно, и не так много, но один и тот же символ неоднократно повторяется, что даёт очень яркий эффект. К примеру, символ «жетим емен» - буквально: «дерево-сирота», пронизывает текст произведения:

«Жетим еменди гилең аш-арықтың үйи десе болады. Думандай жапырақлы. Панасызлар қуяшлы ыссыны усы қарада өткереди. Адам үзілмегенликтен асты тегис, жерге жабысып өскен майса гия мақпал гилем төсегендей. Саяманлы, айналасы аўыл бойынша ең гөззал, ҳәр қыйлы жасыл шөп ийиси анқыған хош жупар ийисли сулыў жер. Кәйеринде отырсаңда, төсек талап етилмейди. Үстине гирбиң жукпайды, ызғар өтпейди» [1:33].

Здесь мы видим использование писателем многозначного образа, в данном случае, одинокого дерева. Оно является приютом для бедных и бездомных. Покрытое мощной листвой, укрывает в жару всех, нашедших под ним приют. Даже трава под ним-ровная, стелется по земле, как бархатный ковер. Тенистое дерево расположено в самом красивом месте этой окрестности. Сидящему под ним не страшны ни пыль, ни сырость.

Итак, одинокое дерево на окраине села изображается автором как нечто большое, сильное, надежное, дорогое сердцу людей, для которых оно служит защитой и местом отдыха, а для некоторых и местом проживания. Напрашивается предположение, что образ одинокого дерева использован писателем как символ Родины, родного края. Здесь на самом деле мы наблюдаем то самое объяснение отвлеченного содержания через конкретный пример путем намека, иносказания.

Убеждаемся верности нашей трактовки этого символа, когда читаем слова персонажа романа Кузьмы Бородин, который сравнивает народ с деревом, а каракалпакские роды с его корнями: «Есинде болсын, халкыңды бир емен, урыўларыңды оның тамырлары деп бил. Көп тамыр бир өзекке мөлхәмлик берсе, емен саяманлы болады, хәммениң дыққатын аўдарады»

[1:55]. В данном случае, это развернутое сравнение со-звучно с анализируемым символом.

Аналогичное использование данного символа находим в речи другого персонажа – хана Абылкайра: «Кимде – ким орыслардан шалғай сораса, жаўында қалған жалаўшыдай, орыс еменин астына тасаланса, рехим етпеймен, пыт-шыт қыламан деп, журтка айбарак салыпты» [1:192]. Здесь видим, как писатель мастерски сочетает в одном предложении метафору «орыслардан шалғай сораса», сравнение «жаўында қалған жолаўшыдай», символ «орыс емени».

В тексте романа находим и другой символ, который пронизывает не только текст этого произведения, но и, можно сказать, проходит красной нитью через всё творчество писателя. Один из персонажей-Мурат шайық вспоминает древнее предание. В нём говорится, что черная шапка одевалась в знак траура: «Халықтың үлкен қозғалаңы басланды. Қозғалаңды баслаған батыр басына матам қалпағын – яғный кара қалпақ кийип шыққан екен» [1:30], «Әне, балалар, сол матам қалпағын кийип, көкірегі хак халық шын досларын табады» [1:30].

Позже ношение черных шапок стало восприниматься как обычай, традиция, а сам головной убор стал как бы национальным символом. Писатель акцентирует внимание читателей на этом моменте, снова и снова прибегая в тексте романа к этому символу: «Ғайып хан қалақтай қысық басына қара қалпақ кийип келипти. Бунысы карақалпақтың дәстүрін қылғаны» [1:39].

Из данного фрагмента ясно, что Ғайып хан, ставленник казахского хана Абылқайыра, пришел к народу в черной шапке, желая показать, что он в данной ситуации вместе с каракалпакским народом.

Обратимся к «Интервью, данное самому себе» Т.Каипбергенова, где он высказывает своё понимание относительно этого символа: «У меня часто спрашивают, почему в заглавие моих книг вынесено имя моего народа? «Дочь Каракалпакии», «Дастан о каракалпаках», «Каракалпак-наме»... Для ответа я придумал притчу.

Когда бог раздавал народам имена, то, как раз, племени моих предков имени не досталось.

- Вот те на, - удивился бог, - оплошка вышла. Вроде бы всё заранее придумал, да, видать, где-то просчитался. Ладно, не горюйте, что-нибудь подыщу. А пока вот вам черные шапки, чтоб я вас вернее приметил и в следующий раз ничем не обделил. Не теряйте времени, идите по миру, может, у какого народа оказалось два имени, так скажите им, что я велел поделиться с вами.

И пошел мой народ по свету имя себе искать. Был на Дунае, шёл приволжскими степями, подходил к Уралу, бродил по берегам Сырдарьи, приближался к границам Персии, возвращался к Аральскому морю, и поняли люди, что забыл о них бог, что не даст им никакого имени, и увидели люди, что все соседние народы называют их каракалпаками, да и сами себя они так именовать стали, хоть та черная шапка давно уже то ли потерялась где-то, то ли сносилась. И перестал народ кочевать, осел на берегах Амударьи, стал рыть каналы, возделывать землю, и теперь на всех картах мира это обжитая и обихожная народом земля зовется Каракалпакией. Мы не хотим другой родины, не хотим име-

новаться иначе. а по древнему мусульманскому обряду, когда нарекают человека, то мулла трижды выкрикивает его имя, чтобы оповестить об этом весь свет.

Вот и я трижды крикнул: Каракалпак, Каракалпак, Каракалпак! Хотел крикнуть на весь свет, а насколько хватило голоса – не мне судить» [2:22-23].

Упомянутые выше символы «дерево» и «черная шапка», по нашему мнению, можно отнести к так называемым «сквозным» символам. Это явление исследовалось в русской стилистике, в частности, в работах А.Марченко, П.Ф.Юшина, А.И.Захарова, Л.Е.Малаховой. В статье А.Марченко исследуется характер построения есенинских образов: «Образы переходят из стихотворения в стихотворение, постепенно обрстая подробностями. Удачно найденный образ как бы почка: он дает росток, росток ветвится» [5:158].

Мысли о повторяемом образном арсенале в творчестве Есенина есть и в работах П.Ф.Юшина, который отмечает: «На основе традиций народного творчества он создавал собственные символы и клал их в основу собственных параллелизмов. К числу таких символов относятся многие так называемые сквозные образы есенинской лирики, окрашивающие мир его поэзий в особые неповторимые тона» [5:158]. П.Ф.Юшин называет некоторые сквозные образы Есенина: березка, клен, ива, месяц, колокольчик и бубенец, тройка; постоянные цвета: белый, синий, голубой, красный, золотой.

Л.Е.Малахова понятие сквозного образа заменяет понятием стилемы: «Береза со всеми определениями к ней стала стилемой, которая проходит через весь контекст и составляет одну из характерных черт индивидуальной стилистической системы. В этой стилеме кристаллизуются эстетические взгляды и национальный характер автора» [5:158-159].

Выделенные нами в тексте романа Т.Каипбергенова «Қарақалпақ дәстаны» символы «емен»-дерево дуб и «қара қалпақ» - черная шапка считаем целесообразным называть не стилемами, а сквозными символами в силу точности и однозначности этого термина.

В исследуемом материале находим также очень разные символы, такие, как в следующих отрывках: «Жайхун бойының пүткил халқы кек атына минеди» [1:30] – буквально: «Народ всего побережья Жайхуна садится на коня мести»; аналогично: «Елдің айбат балтасын суғға тасладым десеш! – деди Ырыскул бийдин дауысы қарылдап» [1:57] – буквально: «Елдің айбат балтасы» - «топор гнева народа» или «орудие гнева народа». Подобные примеры ярких, метафоричных символов в каракалпакском языке позволяют сделать предположение о древности нашего народа и его языка.

Они вызывают ассоциации с такими символами в языках индейцев Америки, как «тропа войны», «закурить трубку мира» и т.п.

В заключение приведем отрывок из публицистики Т.Каипбергенова: «Мой народ древен. Свидетельство тому, старинные летописи и хроники многих царств и народов. По-разному называли в этих хрониках каракалпаков: «черные клобуки» или «кула-хтсиях», «колпак», «кара боркли». Словосочетания разные, но смысл один: и «шапки скорби», и «черные клобуки», и «траурные шапки» символизировали печальную «черную» долю каракалпаков-этих вечных изгоев.

История других народов запомнила тех, кто называл себя «черные шапки», но сами каракалпаки почти не помнили собственной истории. Говорю «почти», потому что прошлое сохранилось лишь в устных преданиях, легендарных образах храбрых батыров, коварных злодеев, страшных чудищ» [3:48].

Таким образом, символы в романе Т.Каипбергенова, как и все его богатое наследие, носят глубоко национальный характер.

Литература

1. Каипбергенов Т. Қарақалпақ дәстаны. I. Маман бий эпсанасы. – Нөкис: «Қарақалпақстан», 1973.
2. Каипбергенов Т. Интервью, данное самому себе. – Из юрты в мир. – Нукус: «Қарақалпақстан», 1987.
3. Каипбергенов Т. Измерение времени. – Из юрты в мир. – Нукус: «Қарақалпақстан», 1987.
4. Новиков Л.А. Искусство слова. – М.: «Наука». 1991.
5. Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. – М.: «Наука», 1982.

РЕЗЮМЕ

Ушбу мақолада символнинг Т.Каипбергеновнинг "Маман бий афсонаси" романи матнида рамзининг образли нутқ воситаси сифатида қўлланилиши ўрганилган.

РЕЗЮМЕ

В этой статье рассматривается использование символа как образного средства художественной речи в тексте романа Т.Каипбергенова "Маман бий эпсанасы".

SUMMARY

This article examines the use of symbol as a figurative means of artistic speech in the text of the novel "Maman biy epic" by T. Kaipbergenov.

ЛИНГВИСТИК ДАСТУРНИНГ МОРФОЛОГИК ТАҲЛИЛ МОДУЛИ (МОРФОАНАЛИЗАТОР)

М.А.Абжолова – филология фанлари бўйича фалсафа доктори

Тошкент давлат ўзбек тили ва адабиёти университети

О.И.Искандаров – мустақил изланувчи

Тошкент давлат политехника университети

Таянч сўзлар: морфологик таҳлил, сўзшакл, морфоанализ, морфоанализатор, грамматик категория, табиий тилни қайта ишлаш.

Ключевые слова: морфологический анализ, словообразование, морфоанализ, морфоанализатор, грамматическая категория, автоматическая обработка естественного языка.

Key words: morphological analysis, word formation, morphoanalysis, morphoanalyzer, grammatical category, Natural Language Processing (NLP).

Матннинг морфологик таҳлили (МТ) тарихи қадимги ҳинд тилшуноси Панини номи билан боғлиқ. У Aṣṭādhyāyī матнидан фойдаланиб, санскрит тили морфологиясининг 3959 қоидабини яратди. Юнон-рим грамматикаси анъанаси ҳам МТ билан шуғулланиш бўлган [8]. 1859 йилда эса А.Шлейхер лингвистик "морфология" терминини ўйлаб топади [7:35]. Ўтган асрнинг 60-70-йилларига келиб, табиий тилни қайта ишлаш (NLP)да машинали морфология қамровидаги

барча тадқиқотлар машина луғатини яратиш билан бошланган [1; 2; 3; 4; 5].

МТда, асосан, сўзнинг грамматик шаклланиш имкониятини таҳлил қилиш ва сўзшаклга грамматик тавсиф бериш кўзда тутилади. Ушбу мақсадга эришиш учун қуйидаги ишлар амалга оширилиши керак:

• Тилнинг имло луғатидаги глоссемалардан сўз туркумлари базаси яратилади. Бунда сўзлар туркумини топишда изоҳли луғат ўта зарур манба ҳисобланади.